

НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ

Когда он в работе — сосредоточен, мрачен, порой даже груб. Он отключает телефон и пишет сценарий. А фильмы Владислав Виноградов делает светлые, легкие и вместе с тем пронизанные глубокими размышлениями зрелого и внимательно живущего человека. «Элегия», «Я помню чудное мгновение», «Я возвращаю ваш портрет», «Групповой портрет с Кижами», фильм, посвященный Д. С. Лихачеву, «Я вспоминаю»... Все это работы художника, умеющего слышать время.

— Владислав Борисович, ваши фильмы очень лиричны, но в них нет того, что мы называли бы сусальностью. Как вам удастся выдержать этот тон?

— Я стараюсь поймать особое состояние души своих героев и по нему, как по камертону, настроить весь фильм, который станет понятен каждому. Но боязнь сбиться на умильный тон есть всегда, особенно когда снимаешь пожилых людей. Я много снимал стариков: и в «Элегии», и в «Чудном мгновении», и в фильме о Кижях. И всегда вот о чем думал: старик в любой момент может развенчать тот образ, который мы себе придумали. Я снимал в Кижях старика-архитектора. Он слова терял, сбивался с мысли, повторялся до тех пор, пока у него такая злость на свое косноязычие накопилась, что он в нескольких словах выпалил то, что нам было нужно. Эта его фраза и вошла в фильм. А когда мы снимали знаменитого в прошлом певца Варламова, у него руки тряслись, и он пальцы соединял, чтобы не было заметно его волнение.

— В своих фильмах вы пытаетесь объяснить время через музыку, популярную в те или иные годы. Ваши герои — кумиры эстрады прошлых лет и наши современники. Создается впечатление, что они не играют, рассказывая о себе, а вполне искренни. Как вам удается заставить человека не украшать свой собственный образ, а быть откровенным перед камерой?

— Я расскажу вам одну историю. Мы снимали «Чудное мгновение». Приехали к Леониду Утесову: он нас ждал, был уверен в себе, бодр. По-моему, он даже отводил себе в нашем фильме роль «свадебного генерала». Мы же хотели снять другое: жизненный финал уникального артиста эстрады, а это, скажу вам, грустная задача. Мы его попросили спеть. Утесов говорит: «Хорошо, я спою вам «Перевал» — патетическую песню под оркестр. Леонид Осипович, сидя за столом, стал исполнять песню под фонограмму. Кажется, он и сам понял, что получается неважно, и мы знали, что в фильме Утесов в таком виде здорово проиграет. И тогда я попросил Леонида Осиповича спеть нам как бы для репетиции, дескать, чтобы прикинуть крупность плана. Он начал петь слабым голосом и... вдруг заплакал. Это и было самое лучшее в картине. Когда камера шумела, мы все кашляли, чтобы он не слышал, что мы работаем. Но Утесов сказал: «Что же вы меня обманываете! Я же все вижу. Скажите, я вам все, что угодно сыграю!» Но я знал: даже самый хороший артист не сыграл бы того, чему мы были свидетелями минуту назад, потому что тут была не игра, а просто плакал старый человек, который свой перевал прошел...

— «Мои современники», «Взгляд», «Я возвращаю ваш портрет» — это своеобразный срез времени, на котором обозначились конкретные, известные многим лица. А как вы находите «маленьких», простых людей? Как возник замысел фильма «Элегия»? Как появились его герои?

— Я хотел снять фильм о реке Оредеж. Главными зацепками в картине были древние села, откуда вышли выдающиеся деятели русской культуры — Выра, Рождествено, Суйда. Когда я пришел в краеведческий музей в селе Рождествено — старый барский усадебный дом, — обнаружил там удивительную женщину, Татьяну Васильевну Вячеславову, которая для трех посетителей рассказывала о Рылееве, Набоковых, Ганнибалах... Словом, рассказывала так, как будто она сама всех их лично знала, рассказывала, как в последний раз... Так я познакомился с ней и узнал ее удивительную судьбу: в прошлом Вячеславова — «комсомольская богиня», заслуженный агроном республики и кавалер ордена Ленина, в сороковые годы — член Ленинградского обкома партии. А в то время, когда мы ее снимали, — обычный музейный смотритель... В процессе съемок появился еще один человек — деревенский архитектор Александр Семочкин. Он не только дворцовые постройки, но и церковь деревянную, что при Пушкине была в Выре, восстановил.

— Вот мы и подошли к разговору о восстановлении культуры, возвращении нашего наследия. Я знаю, что вы сейчас завершаете фильм о судьбах русской эмиграции первой и последующих волн. Каким видится этот фильм?

— Я ехал в Париж и в Берлин для того, чтобы увидеть часть того материка, который откололся от России после революции и, казалось бы, ушел навеки со всеми своими институтами и законами прежней жизни — монархистами, кадетами, террористами, статс-дамами, фрейлинами, тайными и титулярными советниками, коллежскими асессорами. Я задавал себе вопрос: что было бы с моей страной, не произойди в ней революция? Я нашел ответ, общаясь с людьми первой волны эмиграции. Там — библиотека Тургенева, там — консерватория, музей русского казачества. И это не траченный молю сундук с барахлом, а живая русская культура в развитии. Доказательством тому служит невероятное количество прекрасных людей и книг. Они из поколения в поколение передавали русское произношение, язык Пушкина и Тургенева. Они общаются между собой не на «новоязе» с его немыслимым жаргоном, к которому мы так привыкли здесь, там звучит чистая русская речь. Я встретил в Париже замечательную русскую женщину — княгиню Зинаиду Шаховскую — писательницу, журналистку, майора Сопротивления. Она назвала себя и тех, кто уехал в первые годы революции не эмигрантами, а беженцами. Это слово объяснило мне очень многое. Эмигрант во втором поколении Дмитрий Сеземан говорил мне, что эти «беженцы» спасли честь русского слова, предохранили русскую мысль и слово от безобразия социалистического реализма, литфондовских путевок и квартир... Да, бывшие великие князья и графы работали шоферами в Париже, но разве не лучше было так зарабатывать себе на хлеб, чем таскать тачку на Колыме? Они спасали Россию своим шоферством, потому что Родина была для них там, где писал Бунин, пел Шалляпин, творил Добужинский, работали Бердяев и Франк.

— А ведь многие нашли в себе силы вернуться...

— Да, и в пример этому я хочу рассказать еще об одной судьбе. Со священником отцом Старком я познакомился в Ярославле. Этот теперь уже глубокий старик, сын адмирала Старка, воевавшего на стороне Колчака, служил в Париже при церкви на русском кладбище. Он жил во Франции с 1926 по 1952 год, потом вернулся в Россию. Его первым отпеванием были похороны Федора Ивановича Шаляпина. Он хоронил известного писателя Бориса Зайцева, великих князей, многих деятелей искусства... Вот об этом я и рассказываю в своем фильме, который полон ностальгии, горечи и гордости за культуру, которая сохранила себя на чужбине.

Автограф взяла Т. ГАГЕН.